

Свет за краем палочки

WKPВ

18+

WKPВ

Свет за краем палочки

«Автор»

2025

WKPВ

Свет за краем палочки / WKPВ — «Автор», 2025

Глубокая переработка классических образов «Мальчика, который выжил» через призму взрослого, психологического триллера и космического хоррора. Герой сталкивается с угрозой, которую нельзя победить простым заклинанием. Его враг — это геометрия безумия и древние сущности, спящие под фундаментом Лондона. Его союзник — чужая душа, травмированная войной и жаждущая света. Эта книга исследует природу травмы, одиночества и памяти. Это детектив, где улики ведут не к преступнику, а в иное измерение. Это драма о любви, которая рождается из невозможности физического контакта. Для тех, кто любит атмосферу «Настоящего детектива», эстетику нуара и сложносочиненные сюжеты, где каждый шаг героев меняет расстановку сил.

© WKPВ, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Инквизитор и волшебник	5
Глава 2. Эпидемия спящих	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

WКРВ

Свет за краем палочки

Глава 1. Инквизитор и волшебник

Мир не заканчивается взрывом. Он заканчивается всхлипом в темноте, когда молитва застревает в горле, набитом кровью.

Дождь над пустошью Дартмура не падал – он вколачивался в землю ледяными гвоздями, превращая вереск в гнилое, хлюпающее месиво. Гарри Поттер стоял перед входом в пещеру, которую на картах маглов помечали как «Зев Дьявола», а в архивах Аврората – как «Объект Ноль-Семь». Вокруг не было ни души, только ветер, вывший так, словно сама ночь пыталась перегрызть себе вены. Гарри давно перестал чувствовать холод; холод стал его второй кожей, такой же привычной, как шрамы, стягивающие не только тело, но и память.

– Люмос.

Свет на конце палочки дрогнул. Не чистый, белый луч, к которому он привык в школьные годы, а грязно-серый, болезненный, словно магия сама боялась того, что ей предстояло осветить.

Гарри шагнул внутрь.

Воздух здесь пах не сыростью, а озоном и жженой медью. Запахом старой, запекшейся крови и чего-то еще – сладковатого, тошнотворного, напоминающего аромат лилий на похоронах, которые забыли вынести из комнаты на третий день. Это было убежище не Пожирателей. Те были фанатиками, но людьми. Здесь же, судя по искаженным теням, пляшущим на стенах, обитало нечто, что презирало само понятие человечности.

– Если здесь кто-то есть, – голос Гарри прозвучал глухо, отражаясь от сводов, словно удары молота по крышке гроба, – выходите. Именем закона и милосердием, которого у меня не осталось.

Тишина в ответ была плотной, осязаемой. Она давила на ушные перепонки.

Гарри шел вперед, переступая через... вещи. Сначала ему показалось, что это кучи тряпья. Но когда луч «Люмоса» выхватил из тьмы детали, желудок скрутило спазмом. Это были мантии. Внутри них лежал прах. Люди не умерли здесь – они выгорели изнутри. Мгновенно. Без огня. Словно кто-то просто выключил их существование, оставив лишь оболочки.

И в этот же самый миг, за бесконечное количество миров и реальностей отсюда, в другом храме, под другими небесами, женщина с белыми, как снег Нордскола, волосами, кричала.

– Встаньте, воины Света! – голос Салли Вайтмейн срывался на визг, полный фанатичного отчаяния и святой ярости. – Смерть не властна над нами, пока горит Огонь!

Собор Алого Ордена пылал. Но не тем очищающим пламенем, которому она молилась. Это был огонь разрушения. В витражи, изображающие святых, влетали нечестивые заклинания, и осколки цветного стекла сыпались на пол дождем из драгоценных камней и бритв.

Они шли к ней. «Герои». Убийцы. Их лица были скрыты шлемами, их оружие сочилось ядом и тьмой. Она видела их глаза – пустые, жадные до добычи. Они пришли не за справедливостью. Они пришли, чтобы растоптать её веру, осквернить её алтарь, вырвать сердце из груди её Монастыря.

– Могрэйн пал! – крикнул кто-то из послушников, прежде чем его голова, отделенная от тела тяжелым топором, покатила по мраморным ступеням, оставляя широкий алый мазок.

Салли осталась одна. Верховный Инквизитор. Последний бастион.

Она подняла посох. Свет отозвался – не теплым лучом, а ревушим столбом пламени, сжигающим кислород. Она чувствовала, как мана выжигает её собственные вены, превращая

кровь в расплавленное золото. Ей было больно. Господи, как же ей было больно – не от ран, а от того, что Свет молчал. Он давал силу, но не давал утешения.

– Я не позволю... – прошептала она, и в её глазах, обычно холодных и стальных, блеснули слезы бессилия.

В пещере под Дартмуром Гарри Поттер вошел в главный зал.

В центре, на грубо вытесанном каменном алтаре, лежало нечто. Это не был медальон в привычном понимании. Это была дыра в пространстве, оправленная в потускневшее серебро. Идеальный круг абсолютной черноты, вокруг которого реальность шла трещинами, как разбитое зеркало.

Вокруг алтаря лежали тринадцать тел. Их позы были неестественно вывернуты, словно в момент смерти они пытались вырвать собственные глаза. А на стенах, выцарапанные когтями в камне, светились символы. Не руны. Не иероглифы. Это была геометрия безумия. Гарри знал много языков, включая парселтанг, но от взгляда на эти линии у него заныли зубы и потекла кровь из носа.

Они пытались что-то призвать. Или кого-то изгнать.

Гарри подошел ближе. Он знал, что нельзя этого делать. Инструкция Аврората: «Не трогать артефакты класса «Омега» без спецотдела». Но спецотдела больше не было. Был только он и эта проклятая тьма. Ему показалось, или из центра черного круга доносится звук? Не шепот. Не гул.

Пение.

Тихое, едва слышное пение церковного хора, искаженное, пущенное задом наперед, пропущенное через толщу ледяной воды.

– Resurrectio... – прошептал голос в его голове. Или это был шелест его собственной мантии?

В Алом Монастыре клинок пробил грудь Салли Вайтмейн.

Она не почувствовала боли удара. Только холод стали, разрывающий легкие. Она упала на колени, и её белые одежды мгновенно пропитались красным. Кровь на белом – это было красиво. Страшно и красиво, как закат над чумными землями.

– Свет... – она потянулась рукой к алтарю, но пальцы хватили лишь воздух. – Почему ты... оставил меня?

Она умирала. И в момент смерти, когда душа должна была отправиться в Темные Земли, она вцепилась в единственное, что у неё осталось. В свою ненависть. В свою веру. В желание жить, чтобы карать. Её душа стала крюком, раскаленным добела, который зацепился за ткань мироздания и рванул её на себя.

Гарри протянул руку к медальону. Он хотел накрыть его полем стазиса. Он хотел изолировать угрозу.

Но капля крови из его носа, сорвавшаяся вниз, упала быстрее заклинания.

Она ударилась о черную поверхность артефакта.

Взрыв не был громким. Звук исчез вовсе. Мир схлопнулся.

Гарри почувствовал, как его грудную клетку разрывает изнутри, словно в него пытаются впихнуть вселенную. Его сознание расщепилось. Он увидел не пещеру. Он увидел высокие своды, витражи и женщину, умирающую в луже собственной крови. Он почувствовал её агонию как свою. Он почувствовал вкус железа во рту – её крови. Он почувствовал её последний, отчаянный крик, который был не просьбой о помощи, а приказом.

– ЖИТЬ!

Реальность в пещере выгнулась дугой. Тени отклеились от стен и ринулись к Гарри, но их отбросило вспышкой ослепительного, яростного Света, вырвавшегося из его собственной груди.

Гарри упал. Темнота сомкнулась над ним, но в этой темноте он был уже не один.

На полу пещеры, в центре выгоревшего круга, лежал человек. А в его руке, намертво вплавленный в кожу ладони, пульсировал серебряный диск, внутри которого билось, как пойманная в банку птица, чужое сердце.

Когда Гарри открыл глаза, они были разного цвета. Один – зеленый, как проклятие Авады. Другой – сияющий белым огнем, в котором не было ничего, кроме суда.

– Где... мои... монастыри? – спросили его губы чужим, ломким голосом, от которого веяло ладаном и могильным холодом.

Сознание возвращалось не как всплытие на поверхность, а как падение на бетонный пол.

Звуки ворвались первыми. Писк приборов. Ритмичный, холодный, бесстрастный. Пип... пип... пип... Этот звук раздражал. Он был слишком упорядоченным для хаоса, царившего внутри черепной коробки.

Гарри попытался открыть глаза. Веки казались сделанными из свинца, а ресницы склеились чем-то засохшим.

– Стабилен, – голос был незнакомым. Сухим, как шелест бумаги. – Магическое ядро пульсирует с аномальной частотой. Словно у него их два. Или одно, но разорванное пополам и сшитое гнилыми нитками.

– Он очнется?

– Должен. Хотя, глядя на снимки его ауры... Я бы предпочел не очнуться. Это похоже на Хиросиму внутри одного человека.

Гарри с трудом разлепил веки. Свет больничной палаты (Святое Мунго? Или изолятор Отдела Тайн?) ударил по сетчатке, вызывая тошноту. Все было белым. Слишком белым. Стерильным.

«Ненавижу белый», – пронеслась мысль. Четкая. Злая. Чужая.

Гарри дернулся. Его руки были пристегнуты к кровати широкими кожаными ремнями.

– Мистер Поттер? – над ним нависло лицо целителя в лимонной мантии. Глаза испуганные, спрятанные за толстыми стеклами очков. – Не пытайтесь двигаться. У вас множественные переломы реальности.

– Что... – Гарри закашлялся. Горло горело, словно он глотал раскаленный песок. – Что случилось?

– Вы были в пещере. Объект Ноль-Семь. Вы единственный выживший. Остальная группа зачистки... их просто не нашли.

Гарри закрыл глаза. В темноте под веками вспыхнули образы. Не пещера.

Горящий город. Узкие улочки, вымощенные булыжником. Запах гниющего мяса и сладковатый дым. Ему... ей девять лет. В руке – деревянный меч, грубо выструганный отцом. На лезвии – настоящая, черная, вязкая кровь. Перед ней лежит женщина. Мама. Но у мамы нет нижней челюсти, а из живота свисают серо-зеленые кишки. Мама тянет к ней руки, и эти руки хотят не обнять, а разорвать.

– Прости, мамочка... Прости... СВЕТ, ОЧИСТИ ЕЁ!

Деревянное острие входит в глазницу. Хруст кости.

– ААААА!!! – Гарри закричал, выгибаясь дугой на кровати. Ремни затрещали.

Это было не воспоминание. Это было переживание «здесь и сейчас». Он чувствовал, как дерево скользит в мокрой плоти. Он чувствовал ужас девятилетней девочки, который был больше, чем могла вынести человеческая душа.

– Седативное! Живо! – крикнул целитель.

Но Гарри уже не слушал. Он тяжело дышал, холодный пот катился по вискам. Видение отступило, оставив после себя привкус пепла на языке.

– Отвяжите меня, – прохрипел он. Голос изменился. В нем появились властные, истеричные нотки. – Мне нужно... зеркало.

– Мистер Поттер, вам нельзя...

– ДАЙ МНЕ ЗЕРКАЛО, ЧЕРВЬ! – рявкнул Гарри так, что стекла в шкафу с зельями задребезжали и покрылись инеем. Правая рука рванулась, и кожаный ремень лопнул, как гнилая нитка.

Целитель отшатнулся, побледнев. Он дрожащей рукой протянул небольшое ручное зеркальце с тумбочки.

Гарри схватил его. Рука дрожала. Это была его рука – со шрамом от «Я не должен лгать», с мозолями от метлы. Но под кожей, вдоль вен, просвечивала золотистая сеть, пульсирующая в такт сердцу.

Он поднес зеркало к лицу.

Из стекла на него смотрел Гарри Поттер. Изможденный, с черными кругами под глазами. Но левый глаз... Левый глаз был нормальным, зеленым. А правый – выгоревшим добела, без зрачка и радужки. Сплошное белое бельмо, светящееся изнутри.

Но страшнее было не это.

Гарри судорожно полез в карман мантии, висящей на стуле рядом (целители не посмели его раздеть?). Пальцы нащупали холодный осколок. Двустороннее зеркало Сириуса. Единственная вещь, которая всегда была с ним.

Он посмотрел в осколок.

Там не было его отражения.

В мутной глубине старого артефакта, в бесконечном удалении, в каком-то сером тумане, стояла она.

Женщина в алом корсете и высоком воротнике. Её белые волосы разметались, лицо было залито кровью, а глаза – те самые, алые, полные безумия и боли – смотрели прямо на него. Она стояла на коленях, опираясь на посох, и вокруг неё клубились тени тех, кого она убила.

Она беззвучно шевелила губами. Гарри присмотрелся, читая по губам.

«Верни. Меня. Домой».

– Кто ты? – прошептал Гарри зеркалу.

Отражение женщины искривилось в усмешке, полной горечи и превосходства. В голове Гарри, в самом центре мозжечка, раздался её голос. Четкий, как удар хлыста.

– Я – Верховный Инквизитор Салли Вайтмейн. А ты, мальчик, – мой новый чистилище.

Гарри выронил осколок.

Он упал на одеяло, но женщина не исчезла. Она продолжала смотреть на него с поверхности стекла, и в её взгляде читалась угроза. Она не была пленницей. Она была захватчиком.

В палату вошел человек в строгом сером костюме. Не целитель.

– Мистер Поттер, – произнес он без предисловий. – Меня зовут Кингсли Шеклболт, но вы это знаете. Мы должны поговорить о том, что нашли в той пещере. И о том, почему уровень Света в вашей палате сейчас такой, что в коридоре плавают охранные чары.

Гарри поднял на министра разноцветные глаза.

– Кингсли, – сказал он, и голос его двоился. – Боюсь, у нас проблемы посерьезнее чар. У меня в голове... кто-то кричит.

– Мы знаем, – Кингсли кинул на кровать папку. На ней стоял гриф «Совершенно Секретно». – Анализ крови показал наличие двух ДНК. Одна – ваша. Вторая – не принадлежит ни одному известному виду человека на Земле. И еще... Мистер Поттер, те тринадцать человек в пещере? Мы опознали одного. Это был пропавший пятьдесят лет назад Отдел Тайн в полном составе. Они не постарели ни на день.

Гарри посмотрел на свои руки. Правая ладонь начала светиться мягким, золотым светом. Он попытался сжать кулак, чтобы погасить его, но пальцы не слушались. Они сложились в жест благословения.

«Слабак», – прокомментировал голос Салли в его голове. – «Ты даже не умеешь держать Свет. Ты проливаешь его, как воду».

Площадь Гриммо встретила их дождем и запахом мокрой собачьей шерсти. Дом номер двенадцать, невидимый для остального мира, выступил из кирпичной кладки, как гнилой зуб, обнаживший нерв.

Гарри стоял на пороге. Ключ дрожал в руке. Ему было двадцать с небольшим, но в отражении лужи он видел старика в теле подростка. Пальто висело на плечах мешком, худоба, которую он так и не перерос после чулана под лестницей, теперь казалась еще более болезненной.

– Здесь пахнет скверной, – голос Салли прозвучал не в ушах, а в затылке. Он был холодным и брезгливым, как прикосновение скальпеля. – Твой дом болен, мальчик. Стены пропитаны тьмой. Как ты можешь дышать этим воздухом?

– Я привык, – вслух ответил Гарри, поворачивая ключ. Замок щелкнул, словно ломая кому-то палец. – И не называй меня мальчиком.

– Ты и есть мальчик. Я чувствую твои кости. Они хрупкие. Недокормленные. Твои мышцы – как высохшие жилы. В Алом Ордене таких, как ты, отправляли на кухню или в переписчики. Ты не воин.

Гарри стиснул зубы и толкнул дверь.

Дом вздохнул.

Обычно Гриммо спал. Но сегодня, стоило Гарри переступить порог, половицы заскрипели, а портрет Вальбурги Блэк за занавесками начал неистово биться о раму, хотя сама старуха еще молчала. Дом чувствовал Чужака. Дом чувствовал Свет, который был для него ядом.

Гарри прошел в гостиную и рухнул в кресло. Сил не было даже на то, чтобы зажечь камин.

– Встань, – приказала Салли.

– Нет. Я хочу спать.

– Я сказала – встань!

Тело дернулось помимо воли Гарри. Это было омерзительное чувство: словно кто-то вдел руки в его рукава и ноги в его штанины и дернул за ниточки. Гарри попытался удержаться за подлокотники, но его пальцы разжались сами собой. Он встал, двигаясь рывками, как сломанная марионетка.

– Что ты творишь?! – закричал он, пытаясь перехватить контроль над ногами, но те твердо шагали к центру комнаты.

– Мы должны освятить это место. Я не буду спать в склепе еретиков.

Правая рука Гарри (та самая, с бельмом на глазу) взметнулась вверх. В воздухе начал формироваться символ – сложный, угловатый крест Алого Ордена, сотканный из чистого огня.

Гарри почувствовал, как его магическое ядро протестует. Магия Салли была другой. Она не текла, она горела. Она брала его резерв и поджигала его, как бензин.

– Хватит! Ты убьешь меня!

– Смерть лучше осквернения! – рявкнула она его горлом. Голос сорвался на визг.

В комнате стало невыносимо светло. Портрет Вальбурги наконец распахнулся, и старуха начала визжать, но тут же заткнулась, когда луч света ударил в холст, заставив краски шипеть и плавиться. Мебель тряслась. Старинный сервиз Блэков в шкафу взорвался тысячей осколков.

Гарри понял, что сейчас потеряет сознание. Он собрал все свои силы, всю ту упрямую злость, что помогла ему выжить под Авадой, и ударил ментально внутрь себя. Он представил кирпичную стену. Глухую, толстую стену между собой и этой безумной фанатичкой.

– Экспеллиармус! – заорал он, направляя заклинание не наружу, а в собственную душу.

Свет погас.

Гарри рухнул на ковер, хватая ртом воздух. Его трясло. Из носа капала кровь, смешиваясь с пылью на полу.

Тишина.

Долгая, звенящая тишина.

Затем, в глубине сознания, он почувствовал... удивление.

– Ты... остановил меня, – голос Салли был тише. В нем не было уважения, но было любопытство. – Твое тело – труха, но воля... В твоей воле есть сталь.

Гарри перевернулся на спину, глядя в темный потолок.

– Убирайся из моей головы.

– Не могу, – ответила она просто. И вдруг он почувствовал смену эмоции. Её ярость ушла, уступив место тоскливой, ледяной пустоте. – Здесь холодно, Гарри. В твоём мире нет Света. Даже твой огонь в камине... он не греет.

Гарри прислушался к своим ощущениям. Он чувствовал её присутствие не как голос, а как физическое тело внутри своего. И сейчас она дрожала. Она, Великий Инквизитор, убийца сотен, дрожала от холода и одиночества в чужом мире, в чужом теле.

– Мне тоже холодно, – прошептал Гарри.

– Расскажи мне, – вдруг попросила она. – Расскажи мне, почему ты такой маленький. Почему твоё тело помнит голод?

Гарри закрыл глаза. Он не хотел этого. Но образы сами всплыли в памяти, и он знал, что она их видит.

Чулан. Пауки. Кусок засохшего сыра. Удары Дадли. Тетя Петунья, замахивающаяся сковородкой. Чувство, что ты лишний, что ты мусор, что ты занимаешь место.

Салли молчала. Она смотрела его воспоминания, как кинохронику.

И вдруг Гарри почувствовал что-то странное.

Тепло.

Не обжигающий огонь инквизиции, а мягкое, почти незаметное тепло, разлившееся в груди, там, где болело сердце.

– Тебя тоже предали те, кто должен был защищать, – произнесла она. Её тон изменился. В нем появилась странная, болезненная мягкость. – Семья. Кровь.

– Да.

– Мы похожи, заморыш. Мы – сироты, выжившие назло смерти.

В камине вспыхнуло зеленое пламя.

Гарри дернулся, инстинктивно хватаясь за палочку. Из огня вышагнул Драко Малфой, отряхивая мантию от пепла. Он выглядел безупречно, но глаза были тревожными.

– Поттер? – Драко оглядел разгромленную гостиную. Осколки сервиза, прожженный портрет, лежащего на полу Гарри. – Мерлинова борода... Я стучал полчаса. Ты не открывал. Что здесь, во имя Салазара, произошло? На тебя напали?

Гарри с трудом сел.

– Нет, Малфой. Никто не нападал.

– Тогда почему у тебя один глаз светится, как чертов фонарь, а магический фон такой, будто здесь только что экзорцировали демона? – Драко шагнул ближе и протянул руку, чтобы помочь ему встать.

Гарри посмотрел на протянутую бледную ладонь.

– Не смей касаться его, – прошипела Салли в голове. – На нем метка Тьмы. Я вижу её на его предплечье. Скверна.

– Не трогай меня, – резко сказал Гарри, отшатываясь от руки Драко. – Просто... не трогай.

Драко замер, его лицо окаменело. Он медленно опустил руку.

– Я принес зелья. От Гермионы. Восстанавливающие, – он поставил флаконы на столик. Голос стал ледяным, официальным. – Если решишь сдохнуть здесь в одиночестве – твоё право, Поттер. Но не смей делать вид, что нам все равно.

Он развернулся и шагнул обратно в камин.

– Он носит Зло на коже, – сказала Салли, когда зеленый огонь погас.

– Он мой друг, – глухо ответил Гарри, глядя на флаконы.

– Друзья не носят клеймо проклятых, – отрезала она. – Теперь спи. Твое тело ослабло.

Если ты умрешь от истощения, я застряну в трупe. А это недопустимо.

И Гарри почувствовал, как его сознание насильно гасят, словно задувают свечу. Салли укладывала его спать. Не из заботы. А как солдат чистит оружие.

Но за секунду до того, как провалиться в сон, он снова почувствовал это. Фантомное прикосновение. Словно кто-то невидимый поправил ему одеяло – жест, которого у него никогда не было в детстве.

Глава 2. Эпидемия спящих

Утро на площади Гриммо не наступало. Серый свет просто сменил черную тьму, не принося ни тепла, ни надежды.

Гарри сидел за кухонным столом, заваленным пергаменатами из папки Кингсли. Рядом стояла чашка кофе, остывшего три часа назад. Он не мог пить. Каждый раз, когда он подносил чашку к губам, горло сжималось спазмом. Это Салли отказывалась принимать «черную жижу». Она требовала воды. Чистой, ледяной воды.

– Смотри сюда, – её голос в голове был напряженным, вибрирующим, как натянутая струна. – Левый верхний угол фотографии. Увеличь.

Гарри послушно коснулся снимка палочкой. Изображение стены пещеры приблизилось.

На камне были высечены линии. Для любого мага это выглядело как хаотичные царапины. Но Салли видела в них структуру.

– Это не руны, – прошептала она. – Это геометрия Шат'яр. Язык Древних Богов. Язык безумия, который сводит с ума, если долго на него смотреть.

– Древних Богов? – переспросил Гарри вслух. – Что-то из Лавкрафта? В моем мире нет этих существ, Салли. Ни древних, ни новых.

– Везде есть боги, Поттер. И везде есть Тени. Эти люди... эти тринадцать... они не призывали меня. Они строили клетку. Для чего-то огромного.

В дверь кухни постучали. Не в входную, а именно в кухонную.

Гарри вздрогнул. Дверь открылась, и вошел Драко. Он выглядел так, будто не спал неделю, хотя его костюм тройка сидел идеально. В руках он держал кожаный кейс и... контейнер с едой из дорогого магловского ресторана.

– Я отключил твою защиту камина, – буднично сообщил Малфой, ставя кейс на стол. – Она была настроена на врагов, но пропускала сквозняки. Я перенастроил матрицу. Теперь ни сквозняков, ни Пожирателей. Поешь.

Гарри посмотрел на него исподлобья.

– Ты вернулся. После вчерашнего.

– Я профессионал, Поттер. И я твой друг, хотя ты старательно пытаешься это исправить, – Драко сел напротив, игнорируя тяжелый взгляд разноцветных глаз Гарри. – К тому же, Кингсли нанял меня как независимого консультанта. Моя специализация – аномальные магические следы и проклятия высшего порядка.

– Он лжет, – холодно заметила Салли. – Он боится. Я чувствую запах его страха. Он пахнет, как мокрый пепел.

– Заткнись, – буркнул Гарри.

– Прости? – Драко приподнял бровь.

– Это не тебе. Это... пассажиру.

Драко медленно кивнул, его взгляд скользнул по шраму Гарри, затем по его светящемуся глазу. Он открыл кейс. Внутри, на бархатной подложке, лежали инструменты: серебряные щупы, линзы, кристаллы и флаконы с реактивами.

– Я был в морге сегодня утром, – тихо сказал Драко. – Осмотрел тела тех тринадцати из Отдела Тайн. Поттер, это... это не убийство.

Он достал из кейса стеклянную пластину, на которой лежала горстка серой пыли.

– Это образец ткани одного из погибших. Я провел спектральный анализ. Знаешь, что это?

Гарри покачал головой.

– Это не углерод. Это кальцинированное время. Их биологический возраст был отмотан назад и сжат в одну точку. Они умерли не от того, что их убили. Они умерли от того, что

их существование было сжато до сингулярности. Кто-то пытался создать черную дыру внутри человеческого тела.

– Бездна, – выдохнула Салли. – Они пытались создать сосуд для Бездны.

Гарри передал слова Салли:

– Она говорит, это Бездна.

Драко напрягся. Он достал палочку и начал выводить над пылью сложные фигуры. Пыль среагировала. Она не разлетелась, а начала собираться в крошечные, бритвенно-острые спирали.

– Если твоя... гостя права, – Драко говорил осторожно, подбирая слова, – то мы имеем дело с магией, которой нет в классификаторах Министерства. Я поднял архивы семьи. Малфои собирали темные знания веками. Есть упоминания о ритуалах «Изнанки Мира». Но для этого нужен ключ. Проводник.

Драко поднял глаза на Гарри.

– Медальон, который ты нашел. Это был не портал, Гарри. Это был якорь.

– Якорь для чего?

– Для того, что живет в пустоте между мирами, – Драко понизил голос. – Эти тринадцать человек... Я нашел их личные дела. Они не просто пропали 50 лет назад. Они были группой «Хронос». Они изучали смерть не как конец, а как пространство. Они хотели найти способ доставать информацию из умерших.

– И они достали Салли, – понял Гарри.

– Нет, – голос Салли прозвучал в его голове так громко, что у Гарри зазвенело в ушах. – Они целились не в меня. Я – случайность. Я – помеха. Медальон среагировал на твою магию и мой крик. Но ритуал... ритуал предназначался для кого-то другого.

Гарри схватился за виски.

– Она говорит, она – ошибка. Они звали кого-то другого.

Драко побледнел. Он быстрым движением закрыл кейс.

– Если они звали кого-то другого... и ритуал был прерван, но не завершен... Поттер, где сейчас осколки медальона?

– Они... – Гарри замер. Воспоминание из пещеры ударило током. Медальон не разбился. Он растворился. Он впитался.

Гарри поднял правую руку. Кожа на ладони была чистой, но если присмотреться, под ней, глубоко в мясе, пульсировал серебряный круг.

– Он во мне, – сказал Гарри.

– Он в НАС, – поправила Салли.

Драко встал, опрокинув стул.

– Мерлиновы кальсоны... Гарри, ты понимаешь, что это значит? Ты – живой ключ. И те, кто убил этих тринадцать человек...

– Они умерли сами, Драко. Ты сам сказал.

– Нет, – Драко смотрел на него с ужасом. – Я сказал, что они умерли от сжатия. Но кто-то запустил процесс. И кто-то оставил их там гнить, пока ты не пришел. Тот, кто начертил символы на стенах. Символы были свежими, Гарри. Им не пятьдесят лет. Им от силы пара дней.

Повисла тишина. Тяжелая, вязкая.

Значит, кто-то нашел пропавшую экспедицию 50-летней давности. Кто-то использовал их тела как батарейки. Кто-то начертил геометрию Безумия. И этот кто-то ждал.

– Нам нужно вернуться, – сказала Салли. – В ту пещеру. Там остался след. Тень того, кто чертил знаки. Я могу учуять его.

– Мы никуда не пойдем, – отрезал Гарри. – Я едва стою на ногах.

– Гарри, – Драко достал из кармана сложенную газету «Ежедневный Пророк». – Ты не видел сегодняшние новости?

Он бросил газету на стол.

Заголовок кричал жирным шрифтом:

«ЭПИДЕМИЯ СПЯЩИХ: УЖЕ СЕДЬМОЙ СЛУЧАЙ В ЛОНДОНЕ. ЛЮДИ ЗАСТЫВАЮТ НА УЛИЦАХ И НАЧИНАЮТ ПЕТЬ НА НЕИЗВЕСТНОМ ЯЗЫКЕ».

Гарри посмотрел на движущееся фото. На Трафальгарской площади стояла женщина-магл. Она не двигалась, её глаза были закатаны, рот открыт.

И хотя фото было беззвучным, Гарри знал, что она поет.

– Resurrectio... – прошептала Салли в его голове. – Они начали Жатву, Гарри. Тот, кто открыл дверь, не закрыл её за собой.

Драко ушел, оставив после себя запах дорогих духов и тяжелое послевкусие надвигающейся катастрофы. Дом на площади Гриммо снова погрузился в тишину, нарушаемую лишь тиканьем напольных часов, которое звучало как удары молотка по крышке гроба.

Гарри побрел в ванную. Ему нужно было смыть с себя больницу, пот и тот липкий ужас, что оставил после себя разговор о Бездне.

Он запер дверь, хотя запирается было не от кого. Или, точнее, бесполезно. Тот, от кого он хотел бы скрыться, был сейчас единственным зрителем в партере его сознания.

Гарри включил воду. Трубы завывали, выплевывая рыжую ржавчину, прежде чем пошла прозрачная струя. Он стянул через голову футболку, обнажая худой торс, расчерченный шрамами, как карта военных действий.

– Не смотри, – буркнул он, глядя в запотевшее зеркало.

– Я видела вещи и пострашнее твоего ребра, торчащего как рукоять ножа, – голос Салли был усталым, лишенным привычной ярости. В нем сквозило клиническое безразличие врача, осматривающего безнадежного пациента. – Ты плохо питаешься. Твое тело – храм, который ты превратил в сарай.

– Это мое тело. Что хочу, то и делаю.

– Теперь это наша крепость. И стены в ней из картона.

Гарри шагнул под душ. Горячая вода ударила в плечи, и он, наконец, выдохнул. На секунду ему показалось, что он один. Просто Гарри. Просто вода. Пар окутал его, скрывая мир.

Но затем он почувствовал её.

Салли не отвернулась. Она «чувствовала» воду его кожей. Для неё, умершей в огне и крови, это ощущение – горячие струи, бегущие по спине – было чем-то забытым, почти сакральным.

– Тепло... – прошептала она. И в этом шепоте было столько голода по простым ощущениям, что Гарри замер с куском мыла в руке. – Я не чувствовала тепла с тех пор, как... с тех пор, как упала в снег перед воротами Монастыря в ту зиму.

Гарри закрыл глаза, намывая голову.

– Расскажи мне. Не показывай картинки. Просто расскажи. Голосом.

Повисла пауза. Только шум воды.

– Мне было семнадцать, – тихо начала она. – Мы отступали от Плетей. Еды не было. Мы топили снег и ели кору. Мои пальцы почернели от обморожения. Рено... мой друг детства... он отдал мне свой плащ. А утром он не проснулся. Он замерз насмерть, чтобы я могла согреться.

Гарри смыл пену с лица. Вода щипала глаза.

– Поэтому ты стала такой? Огонь, фанатизм? Чтобы больше никогда не мерзнуть?

– Свет греет, – ответила она уклончиво. – Свет выжигает холод. И слабость. Я поклялась, что никто под моим командованием больше не умрет от холода. Они будут умирать от меча, от магии, но не от жалкой зимы.

Гарри выключил воду. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Менее враждебной. Более... интимной. Они разделили этот душ и это воспоминание, как делят сигарету в окопе.

Он вытерся жестким полотенцем и посмотрел на свое отражение. Бельмо на правом глазу уже не пугало так сильно. Оно казалось частью новой, странной симметрии.

– Оденься, – приказала Салли, когда он вышел в спальню. – И ради всего святого, не надевай те лохмотья, в которых ты пришел.

Гарри открыл шкаф. Джинсы, растянутые свитеры Уизли, старые футболки.

– У меня нет ничего другого. Я не Малфой, я не хожу в шелках.

– Ты – Аврор. Ты – носитель Искры. Одежда – это доспех. Она дисциплинирует дух.

Гарри вздохнул, перебирая вешалки. В глубине шкафа он нашел старую парадную мантию, которую надевал один раз на прием в Министерстве, и длинное пальто из драконьей кожи – подарок Кингсли на совершеннолетие.

– Это, – указала Салли ментальным импульсом на пальто. – И черную рубашку. Застегнись до горла.

– Я буду похож на снейповскую копию.

– Ты будешь похож на мужчину, у которого есть цель, а не на подростка, сбежавшего с урока.

Гарри надел рубашку. Пуговицы застегивались туго. Он накинул пальто. Оно было тяжелым, жестким, оно давило на плечи, заставляя выпрямить спину. Он посмотрел в зеркало.

Высокий воротник скрывал шею. Жесткий крой пальто придавал фигуре четкость, скрывая худобу. Светящийся глаз в полумраке спальни горел как маяк.

– Подними подбородок, – скомандовала Салли.

Гарри повиновался. И вдруг увидел в зеркале не себя.

Поза, поворот головы, жесткий прищур – это было её. Она проступала через него, как второй кадр на пленке. Это было жутко, но в то же время... величественно.

– Мы похожи на чудовище Франкенштейна, – усмехнулся Гарри, но улыбка вышла кривой.

– Мы похожи на возмездие, – поправила она. – Теперь иди. Сделай себе тот черный отвар, который ты называешь кофе. Мне нужно взбодрить твои вялые нейроны перед охотой.

Гарри спустился на кухню. Он налил кофе, сделал глоток. Горько. Горячо.

– Салли?

– Что?

– Тот парень. Рено. Ты любила его?

Салли молчала так долго, что Гарри подумал, она не ответит. Или ударит его ментальным разрядом за дерзость.

– Любовь – это роскошь для мирного времени, Поттер, – её голос стал сухим, как осенний лист. – В моем мире любовь – это слабость, в которую бьют враги. Я не любила его. Я была ему должна. А долги я возвращаю. Всегда.

Гарри кивнул, глядя в черную гладь кофе. Он вспомнил Джинни. Их расставание было тихим, без скандалов. Просто война выжгла в нем все, что могло любить «нормально». Джинни хотела мужа, дом, детей. Гарри хотел... тишины.

– Значит, мы оба банкроты, – тихо сказал он. – У меня тоже нет ничего, кроме долгов. Перед мертвыми родителями, перед Сириусом, перед Римусом.

– Тогда нам будет проще, – в голосе Салли прозвучала сталь. – Те, кому нечего терять, самые опасные солдаты. Допивай. Тот, кто поет на улице, не будет ждать вечно.

Гарри поставил чашку. Звон фарфора о блюде прозвучал как гонг, объявляющий начало раунда.

Он сунул палочку в рукав пальто. Она легла в ладонь привычно, но теперь он чувствовал и другую силу – ту, что текла по венам правой руки, горячую, требовательную.

– Готов? – спросила она.

– Нет, – честно ответил Гарри, открывая дверь в лондонский дождь. – Но когда это меня останавливало?

Тоттенхэм-Корт-роуд напоминала сцену из дешевого фильма-катастрофы, снятого гениальным оператором. Дождь превращал неоновые вывески в размытые акварельные пятна на асфальте. Полицейские ленты – желтые у маглов, мерцающие фиолетовым у магов – перекрывали перекресток.

Гарри прошел сквозь магловский кордон, наложив на себя легкий Отвод глаз. Но когда он подошел к магическому периметру, дежурный аврор – молодой парень с лицом, покрытым веснушками, – преградил ему путь.

– Проход закрыт. Здесь работает Отдел... – парень запнулся. Он увидел светящийся глаз Гарри, выглядывающий из-под мокрой челки. Увидел тяжелое пальто из драконьей кожи и шрамы. – Мистер Поттер?

– Мне нужно пройти, – голос Гарри звучал глухо. Ему приходилось сдерживать челюсть, чтобы зубы не стучали. Не от холода. От того, что Она внутри него рычала, чувствуя близость врага.

– Но глава Уизли приказал никого не...

Гарри просто отодвинул его плечом. Аврор не посмел остановить Героя Войны, хотя в его взгляде читался страх.

В центре оцепления, прямо посреди проезжей части, стоял мужчина в дорогом костюме. Его зонт валялся в луже. Руки висели плетьюми. Голова была запрокинута к черному небу, рот широко открыт, но челюсть не двигалась. Звук шел прямо из горла – гулкий, вибрирующий, напоминающий скрежет тектонических плит.

– N'Zoth... Ryiu... k'kres...

Вокруг Спящего воздух дрожал. Капли дождя не долетали до него, испаряясь с тихим шипением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.